

Виктор Балдоржиев

Июльская проза. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36074531

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1815-7

Аннотация

Начиная с июля 2018 года, каждое последнее воскресенье месяца я буду выпускать книгу, где сконцентрируются поэзия, проза и публицистика за минувший месяц. Все произведения этой книги написаны за июль 2018 года.

Содержание

Июльская проза	4
Рассказы	4
В дороге	4
В тайгу	14
Трактор	23
Телефон	30
Пустой звук	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Июльская проза

Рассказы

Начиная с июля 2018 года, каждую последнюю неделю месяца я буду выпускать полноценную книгу с ISBN, УДК, ББК, где сконцентрируются поэзия, проза и публицистика за минувший месяц.

Все произведения этой книги написаны за июль 2018 года.

В дороге

Июльское утро. Спать бы и ни о чём не думать. Но надо ехать.

Современный автомобиль баюкает и уносит в тёплые и мягкие миры. Я устал за много дней деревенской жизни: то из-за компьютера не выхожу сутками, то картошкой занимаюсь, то внуки понаедут. Жизнь привычная. Но уже ощущаю жёсткость, а годы не те, теплоты и мягкости требуют. Опять же: какой это возраст? Всего-то четыре года на пенсии. Со всем молодой. Вот только иногда иду где-нибудь и замечаю: все меня догоняют, а я – никого...

Хорошо Кольке Рожкову или Лёне Лопатину. Писать каждый день не надо. Их дело поговорить, они это любят. Мы ровесники, но у них и пенсии какие-то навороченные, и машины личные, и на здоровье не жалуются. Государству служили, заработали и натаскали. У меня всю жизнь – бумаги, болезни, борьба.

В город с утра едем. Лопатин предупредил, что у Рожкова с ногами проблема. Спина стрельнула, ноги отказали. Мы его на переднее сиденье усадили. Беречь будем.

На конференцию нас вызвали. С недавних пор мы в новой партии. Политику наш человек не любит по одной причине: не понимает и не приспособлен к ней. Политика – это конкуренция, остальное – впустую.

Наша партия – первая партия, которая нам нравится по всем статьям и со всех сторон. У нас, опытных дураков, есть надежда, что наша партия очень скоро станет ведущей в стране. Лично я давно поставил цель: остаток жизни отдать молодым. Ну и Кольку с Лёней на это дело подталкиваю. Победа не в ругани, а – в умении конкурировать. Куда нам, пенсионерам, переть? Подпереть можем. Наверное, над нами смеются. Даже в партии...

– Что за бардак устроили эти бакланы! – Воскликает Лёня, выруливая на трассу, обращаясь ко мне и Кольке.

Чёрные, как мне кажется, болгарские, глаза, волнистые с проседью чёрные волосы, густые брови, даже большой нос – всё в Лёне клоочет гневом и жадной справедливости. Как

будто он хочет добиться этой справедливости немедленно и обязательно для всех. Иначе, жизнь сразу становится бессмысленной. Трудно южанина остудить. Душа его изливает жалобу за жалобой. Мне это знакомо много лет. Лёня приводит факты, аргументы, примеры. Родился, видимо, таким. К этому трудно привыкнуть.

Наверное, я тоже из той же породы. Почему и дружу с Лёней. Вполне возможно, что с моим здоровьем и сердцем я бы давно был на том свете, спасает то, что полжизни занимаюсь укрощением ума. Шаматхой занимаюсь. Без этого – бардак. Ведь ум человека – мириады скачущих и прыгающих обезьян. Сейчас они проявились и безудержно прыгают в голове Лопатина.

– Ты опять за своё! Исправить хочешь? – Ехидно вступает в разговор Колька Рожков, поворачиваясь ко мне и, как бы ненароком, прося одобрения.

Белёсые брови и выцветшие глаза, где ничего голубого почти не осталось, светлое, стареющее, слегка вытянутое, лицо, проплешина в обрамлении белого пушка – всё в Рожкове как будто удивляется, но я знаю, что за этим удивлением всегда скрыты расчёты местного человека, привыкшего во всём усматривать свою выгоду. Иначе у нас нельзя, климат слишком суровый.

– А ты посмотри, что эти бакланы творят! – Клокочет Лопатин уже в спокойном ритме, ведя свой джип по ровной трассе.

– Чего смотреть-то? Ну, бакланы они, всё поклевали! И что с ними делать? Вот вчера по телевизору... Ты видел?

Зелёная и влажная после вчерашнего дождя степь залита тёплым жёлтым сиянием утреннего солнца. Небо у горизонта отливает лазурью, дальше – голубое, омытое, ясное. Далеко чернеет неровная стена соснового леса. Воздух чистый, не надыхаться!

Художников бы сюда с этюдниками. И никакой политики...

Обезьяны Лопатина и Рожкова, как и всегда, завертелись, завизжали и сцепились в мельтешащем клубке. Вопросы и проблемы самые разные. Они скачут по Сирии, Украине, России, Америке, промышленности, сельскому хозяйству, пенсиям, футболу, чиновникам, начальникам, областям, районам, деревням, падающим боингам, преступлениям, олигархам, истории, Александру Невскому, Чингисхану, родственникам, соседям, президентам, огурцам, теплицам... Враз, с разных сторон, без пауз, непредсказуемо. Каждый после фразы поворачивается ко мне, прося, если не поддержки, то хоть одобрения, кивка. Не уверены что ли ни в чём?

Лёня строчит без остановки, как следователь. Его обезьяны непрерывно срывают и швыряют бананы. Колька парирует, пытаясь выстраивать логику, как адвокат. Его обезьяны моментально ловят и глотают летящие бананы. Возникшая в моей голове обезьяна отмечает, что каждый из нас весит бо-

лее сотни килограммов. Три с лишним центнера на джипе.

Пробую проявить какой-нибудь образ и сосредоточиться. Медитировать. Не выходит. Почему-то вижу милицеские фуражки. И тут, уже засыпающий, вспоминаю, что друзья мои до выхода на пенсии занимали в правоохранительных органах большие звания и должности, имеют богатейший опыт работы в расследовании уголовных и экономических преступлений. Полковники... Они и сейчас ярко выделяются из толпы: прекрасно знают юриспруденцию, чутко следят за изменениями в законодательстве, не пропускают новости по ТВ, выписывают и читают газеты, обсуждают футбол, привычки политиков, прямые линии. Работали они следователями, адвокатами, судьями, в службах безопасности. Теперь организовали местное отделение партии и заняты политикой на районном уровне, а столица продолжает заваливать проблемами...

Люди, на которых жалуются Лёня и с которыми заседает Колька, намного младше их. Они, как и чиновники по всей стране, бывшие строители, агрономы, зоотехники, инженеры, перешедшие в разряд удачливых и неудачливых чиновников и менеджеров. Как и положено им, пилят бюджеты, разрабатывают схемы для получения откатов. На самом деле их любой ОБХССник из райотдела моей молодости приструнил бы.

Все жалобы бывших полковников и генералов, работающих в системе власти региона, нынче адресованы бывшей

преподавательнице, которую пронесли по головам людей до высокого поста руководители и функционеры разных партий, иначе говоря – партийные авторитеты, презирающие народ и в ответ презираемые народом. Этим ничто глаза не выест, только утрусся.

Теперь мадам никого не слушает. Какое ей дело до каких-то жалоб, грязных и пыльных районов и деревень, их руководителей, тем более – людей, живущих в совершеннейшем безденежье и активной нищете. Вон, депутаты госдумы и те выше её получают – по полмиллиона в месяц. министры по два миллиона в месяц, начальники нефтяников и газовиков – по миллиону в день. Они – бе-не-фи-ци-а-ры, то есть получатели доходов, а она, видимо, ещё не вошла в эту категорию. Какая несправедливость!

Будет ли мадам думать о тех, кто одну красненькую в месяц на семью имеют? Подражая своим кураторам, обороноспособность свою она укрепила основательно: ни одна жалоба не пройдёт и не потревожит, а потому – всё спокойно, развивается, процветает. А что ещё требуется?

Во времена моей молодости на этих бенефициаров никто бы и внимания не обратил, до того серые людишки, хотя вредные и жадные...

Голоса друзей становятся глуше. Машина идёт мягко, усыпляет.

Продолжаю проваливаться в сон, где клубятся мысли и образы, которые на этот раз проявляются уже как часть мут-

ной и ватной темы, которая разрослась в кучу-малу, в какой-то дикий исторический ужас из прошлого и настоящего. Это глобальная система равнодушного разора из прямоугольных кабинетов с одними и теми же обитателями, зарешеченных камер, набитых рычащими существами, обшарпанных стен и заборов, подъездов и квартир, пропахших кошачьей, собачьей, человеческой мочой. Система эта с громадными эверестами мусора, стеклянными небоскрёбами, расплюснутыми временем бараками. В этом ужасе толпы первых, вторых, третьих и последних секретарей, президенты и разных организаций, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, чиновники и бандиты. Там изысканные диваны, кресла и золотые унитазы соседствуют с табуретками, солдатскими койками и парашами. Этот ужас наворочен из всего немыслимого и невообразимого, но реального, существовавшего и существующего.

Там прошлое и современность каждого из нас...

Диалоги Рожкова и Лопатина возникают из этого ужаса, а сами они верещат где-то внутри этой кучи-малы. Их не видно, они там далеко-далеко, в каком-то закоулочке, который и найти невозможно. В таких закоулочках – верещим все мы, но каждый слышит только себя, ибо у всех нас отсутствуют уши. Ничего не поделаешь, эволюция способна и не на такое.

Неожиданно появилась мысль о том, что грех указывать на недостатки человека и страны. Не очередная ли обезьяна гримасничает? Потом вдруг отчётливо возникли события

тридцатилетней давности. Там, в каком-то закоулочке, такие же приматы, из которых родились сегодняшние. Вот женщина с выпирающими отовсюду кустодиевскими формами и округлой кормой шириной почти в метр, возглавлявшая профсоюз и одновременно орудовавшая в бухгалтерии художественного фонда города NN. Она постоянно «строила и воспитывала» моих друзей – художников и скульпторов, выпускников институтов им. В. И. Сурикова и И. Е. Репина. Кстати, трудами этих мужчин и существовал оживший в моей памяти фонд и все его мужички и бабы, включая и «воспитательницу» с кустодиевскими формами.

Говорят, что крепость итальянской граппы от 36 до 55 градусов, но однажды мы неделю вдохновлялись виноградной чачой, то есть граппой Северного Кавказа, доставленной Эдиком Галстяном. 80 градусов виноградного спирта мы только номинально разбавляли речной водой. Потом нас вызвали на разборки в профсоюз. Высокий и нескладный Володя Литвин долго и недоумевающе смотрел на «воспитательницу», пытающуюся «построить и воспитывать» перед собравшимися членами профсоюза (бухгалтерами, машинистками, слесарями, столярами, сторожами) бородатых и помятых со всех сторон художников. Неожиданно Володя крепко облапил за мясистые щеки женщину и, притянув к себе смачно поцеловал её взасос в красные губы, потом нежно отбросил «воспитательницу» и, оглядев собравшихся совершенно невыразимым взглядом загнанного в угол художника,

добродушно изрёк, икая после каждого слога:

– Welcome! Я же лю-блю вас, вол-ки позор-ные!

Такое у него было любимое выражение, причём на слове «welcome» он не икал. После эффектного вступления Володя молча, нетвёрдой походкой, освободил собрание. До того его мутило. Придя в мастерскую, он рухнул безнадежно на диван и проспал два дня. Очнувшись, объявил, что у него был сильнейший прилив крови в пещеристые тела. Сказал так, что можно представить процесс в разрезе, как в учебном кино.

Сквозь сон и ровное урчание двигателя слышу ненавистную мне блатную музыку. Кажется, Лопатину и Рожкову надоело заниматься политикой, обсуждать подполковника, правящего страной. Они включили магнитофон, мгновенно загремел шквал, вырвавшийся из накопленного историей ужаса. Шаматха не помогает, образов нет, трудно укротить самопроизвольно возникающих в России обезьян. Почему вдруг вся страна, поголовно, возлюбила дичайший шансон и уголовщину? Нежели поэзию, как признавался Есенин, читают только еврейские девушки? Почему тут невозможно ничего сделать? Литература знает ответы. Возникают строки Кабанова, с которым дружу в Facebook,

Потому, что хамское, блатное –
оказалось ближе и родней,
потому, что мы совсем иное

называли Родиной своей.

Ненавистный мне шансон и его глупейшие слова исчезают с первой строкой Кабанова, потом откуда-то издалека возникает еле слышный, почему-то печальный, голос Высоцкого:

Мы не сделали скандала,
нам вождя недоставало,
настоящих буйных мало,
вот и нету вожаков.

Образы для медитации определились и проявились. Других у меня нет. Они возникли в результате, как сейчас модно выражаться, когнитивного диссонанса, дискомфорта, возникающего во мне от современности, особенно от её звуков. Представления появляются как антитеза бесчеловечности, как барьер и защита от расчеловечивания. Как и всегда выбора нет: либо придётся существовать, либо жить.

Как и всегда: впереди много встреч и мероприятий, союзы московской жадности и местной нищеты, что одно и то же. Повсюду – объединения амбиций и финансов, схватки дураков и уродов, подлецов и сатрапов, богатых и бедных, офисных незнаек и знаек с умными видами. Но всюду будет действовать единственно возможный и бессмертный принцип взаимоотношений в этой стране: «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак!» Из этого принципа снова и

снова будут выскакивать нескончаемые потоки обезьян, которых придётся усмирять, усмирять и усмирять до тех пор, пока не иссякнет и не исчезнет сам принцип, возведённый тысячелетним рабством. И тогда станет понятным, что империя находится в огромной и прекрасной цивилизации, как злокачественная опухоль, а не наоборот.

Полагаю, что тому, кто уже есть, надо просто быть. Всегда.

Кажется, полдень. Машина мягко катит по асфальту. Скоро начнутся дорожные забегаловки, я слышу голоса Преображенского и Борменталья: «Бог знает, чего они туда плеснули... Всё, что угодно... И я того же мнения...»

В голове срабатывает сигнал – пора просыпаться: Колька уже посапывает, наговорился и спокойно спит, а Лёня от монотонной езды, шансона и своих обезьян может уснуть за рулём. Надо говорить с ним.

Со всеми надо говорить...

15 июля 2018 года.

В тайгу

Альма – это Альма, умная и красивая немецкая овчарка, которую Лопатин взял щенком, выкормил, воспитал, выучил. По мнению многих знатоков, умница Альма берёт, практически, любой след. Рвётся с поводка так, что можно

кувырком полететь. Но только не Лопатин. В отделе шутят, что Альма и Лопатин – это единый организм. В нашем угрозыске мы звали этот организм – Альма Леонидовна. Особенно внимательны глаза этого организма. Когда Альма поднимает голову и смотрит на человека, то человек сразу понимает, что сейчас надо делать. А когда Лопатин смотрит на Альму, то овчарка мгновенно «читает», что надо делать ей.

Из забавного чёрного щенка Альма превратилась в красавицу, чепрачного, черного, отливающего блеском окраса с переходом на рыжеватый подпал к животу и груди. В полгода Альма понимала все основные команды Лопатина. За это же время Лопатин перечитал кучу книг по собаководству и кинологии. То, что одинаковые темы могут быть иногда совершенно разными, он понял только через месяц, когда перелопатил несколько полок научных трудов. Теперь уже не только собака, но они вместе становились единым организмом, именуемым – ищейка.

После первого «научного подхода» к теме, Лопатин сразу переставил миску щенка на уровень его груди: надо было формировать правильный экстерьер. Дальше пошли уже серьёзные премудрости...

Теперь о Лёне. Это черноглазый и бесшабашный лейтенант милиции Леонид Степанович Лопатин, друг, воспитатель и попечитель Альмы. Именно в таком порядке. Дело в том, что Лёня не любит слова «хозяин». Служил он во внутренних войсках, демобилизовался в 1973 году старшиной,

устроился докером в порту. Через полгода усвоил, что тот, кто работал в доках, может пройти через любые испытания и добиться в жизни всего, чего пожелает. Была бы голова на плечах. Рослый и мускулистый, он делал долгие пробежки на окраине Николаевска, по берегу Чёрного моря, вдоль пенящейся волны, рядом с ним неслась неутомимая Альма.

Выросший в донецкой степи, Лёня с детства хотел стать либо охотоведом, либо кинологом, по-русски это называется – инструктор служебно-розыскной собаки. Он страстно мечтал о дикой тайге, непроходимых дебрях, бурных, горных реках, отвесных скалах, ущельях, пропастях, вековых соснах и лиственницах, где бродят медведи и тигры. Его героями были Арсеньев и Дерсу Узала, путешественники и следопыты. Слово следователь он воспринимал, как человека, читающего следы, следующего по следам...

После года работы и учёбы Альма и Лопатин поступили в школу служебно-розыскного собаководства в Нальчике, а ещё через три года заняли первое место на всесоюзных соревнованиях кинологов МВД. Они просто не могли не занять такого места.

После окончания школы их оповестили и одновременно озадачили:

– Вам, как отличнику учёбы и победителю престижных соревнований, предоставлено право выбора места службы. Где желаете служить?

– Победителям! – Поправил генерала лейтенант. Генерал

согласно кивнул и, посмотрев на Альму, повторил вопрос:

– Где желаете служить, товарищи?

Альма шевельнула хвостом и поощрительно взглянула на седого милицейского генерала, Лопатин чётко, как отрапортовал, сказал:

– Туда, где наиболее напряженная криминогенная обстановка. Мы должны быть там, где трудно!

– Похвально! А конкретнее?

– Где тайга есть!

– Значит, в Сибирь. Выбирайте!

Лопатин и Альма подошли к огромной карте СССР, висевшей на стене.

Генерал же наоборот: отошёл от карты и стола к окну и оттуда с неподдельным удивлением изучал, то есть разглядывал, Лёню и Альму. Потом взгляд генерала последовал за пальцем лейтенанта, исследующим Сибирь. Наконец, палец Лёни и умный взгляд Альмы одновременно остановились восточнее Байкала.

– Читинская область. Каторжный край. Там всегда трудно. Одобряю и желаю успеха, лейтенант! – Подтвердил выбор генерал, улыбаясь и пожимая на прощанье руку. Лёня и Альма последовали по длинному и мрачному коридору со множеством дверей, за которыми находились генералы и офицеры, не думавшие о тайге и скалах, путешественниках и следопытах.

Сибирь из окна купе – дивная сказка с безбрежной тай-

гой, настроение портили только станции, где останавливался поезд, однообразные ряды домов, вокзалы, перроны, где гомонил народ, не отличавшийся изысками в одежде. Только изредка мелькнёт в угнетающей серости яркое платье и смеющееся лицо или красивый галстук мужчины под цвет штиблет.

Лёня и Альма любовались Байкалом и не сомневались, что едут в тайгу, где медведи, тигры, отважные люди и, конечно, Дерсу Узала, размышляющий у костра, за которым чащобы и валежины.

В Чите немного смутили пьяные мужики и бабы на вокзале, потом цыганки, пытавшиеся пристать к новехонькому лейтенанту. Нет сомнений в том, что его обчистили бы, как миленького, но рядом с ним была Альма. Овчарка недоуменно смотрела на вывески и призывы, в которых почему-то не хватало букв. Это было как бы неременной традицией города. «М...локо», «Ле..айте амолётами аэр...флота», «В...дка».

В большом здании управления внутренних дел области, где Лёня предъявил свои документы и направление генерал-майору, выяснилось, что и здесь им предоставлен выбор места службы.

– Написано: Читинская область с правом выбора. Вы – отличник учёбы и победитель всесоюзных соревнований, – начал говорить полноватый и седеющий генерал-майор, но Лёня бестактно перебил его:

– Мы, товарищ генерал-майор.

– Кто – мы?

– Мы с Альмой, она тоже училась и участвовала в соревнованиях.

– Ах да, понимаю, – улыбнулся начальник и продолжил. – Выбирайте!

Лёня, вытянувшись, зачистил своё, уже отработанное: про тайгу, следопытов, трудности, а также долге каждого советского милиционера...

Генерал даже отошёл на некоторое расстояние с тем, чтобы заново и уже внимательнее оглядеть стройного и немного кривоногого лейтенанта с красивой овчаркой, желающих служить там, где трудно и опасно.

– Значит, Борзя! – Заключил удовлетворённо начальник УВД, подходя к своему столу и наклоняясь над бумагами.

– Там есть тайга, реки? – Предварительно восхищаясь и предчувствуя исполнение мечты, спросил нетерпеливый Лёня. При этом возбуждении Альма взглянула на друга с некоторым осуждением.

– Угу! – Подтвердил поспешно генерал-майор, набирая номер телефона и вызывая дежурного для последующего оформления документов и билетов. – Но, главным образом, обстановка и трудности. Там их хватает.

Снова Лёня и Альма, на этот раз с дежурным офицером, последовали по длинному коридору со множеством дверей, за которыми заседали полковники, майоры и капитаны, не

думающие о тайге, ущельях и трудностях.

Вокруг были горы и тайга, тайга и горы. Даже станция называлась «Кручина». Из окна купе была видна стремительная речка, почти отвесная гора, потом камни скалы замелькали уже в опасной близости от окна. На камнях иногда попадались надписи известью, случались – матерщинные. Лёня представлял, что эти скалы и горы взрывали мужественные строители дорог, что раньше здесь были непроходимые скалы, чащобы и реки. Альма в наморднике нетерпеливо повизгивала рядом с ним на нижней полке.

– Дарасун! – Объявила красивая проводница с удивительными, неславянскими, чертами лица, на котором смеялись большие, слегка раскосые глаза.

Дома станции невзрачно кособочились, за ближним забором высилась гора металлолома и разного мусора, напротив окна вагона виднелась отчётливая вывеска со знакомой надписью «Продук...ы – В...дка». У крыльца магазина обсуждали свои проблемы помятые мужики в майках и трико непонятного цвета, ещё дальше стоял жёлтый милицейский уазик, за ним блестела речушка. Выше, за станцией, начиналась тайга,

Да, здесь было всё – и трудности, и природа. Лопатин вздохнул понимающе и погладил Альму, как бы делясь с ней впечатлениями. Тем более, что из рассказа смешливой и кокетничающей с ним проводницы, его поразил смысл странного названия станции. Дарасун – это, оказывается, какая-то

волшебная вода, недалеко отсюда курорт. А лечебные свойства воды лучше, чем в Эссентуках или Кисловодске.

Вот это да, вот тебе и Дерзу Узала!

– Забайкалье – это тайга, горы, реки? – Спросил он у проводницы, которая с мечтательной улыбкой наливала ему чай.

– Ну конечно, что же ещё! Тут у нас такая красота, такая красота! – Нараспев отвечала она. – Даже в Улан-Удэ такой красоты нет.

Лопатин вежливо не обратил внимания на последние слова девушки, хотя ободренные скульптуры медведей на станции Улан-Удэ не очень-то вдохновили его на подвиги. Но тут! Чита, Кручина, Дарасун...

С радостными мыслями и чарующими впечатлениями, Лопатин привязал овчарку к стойке купейного стола и погрузился в сладостную дрему. И снова он видел себя, бегущего вдоль пенящихся волн Чёрного моря, вдыхал волнующий солёный воздух, неожиданно оказывался в глухой тайге, где он преследовал с Альмой банду, уходящую через ущелья и горные реки. Потом возникали торжественные залы, здания МВД и ковровые дорожки, в конце которых генералы и полковники вручали ему и Альме боевые награды и именное оружие.

Один раз он проснулся: поезд резко дёрнулся, через некоторое время разогнался с каким-то скрежетом и пошёл уже медленнее, как будто буксы перестали смазывать оси колёс. Заподозрив неладное, ибо он был уже на территории,

где криминогенная обстановка всегда напряжённая, Лопатин мгновенно проснулся и припал к окну, за ним густела жуткая ночь и тоненький клинок месяца слабо высвечивал плывущие контуры деревьев.

Он выглянул в тёмный коридор вагона. Стоявший у окна силуэт военного, не оборачиваясь, скучно обронил:

– Седловую проходим.

Опять интересное название! Чувствовалось, что состав тяжело идёт на подъём. Потом подъём исчез, ровно и убаюкивающе застучали колёса, и Лопатин снова погрузился в сон. Альма только раз подняла голову и, недоумевающе посмотрев на Лёню, опять задремала.

Снов больше никаких не было, он спал и будто набирался сил перед встречей с тяжёлой криминогенной обстановкой в глухих, таёжных, местах.

В коридоре раздался торопливый топот, громкие командные голоса. Лопатин по военной привычке быстро оделся, привёл себя в порядок, отстегнул повеселевшую Альму и сам, радостный в предвкушении новых впечатлений от таёжной жизни, вышел в коридор.

В окна били лучи солнца.

По коридору пробежали новобранцы, которые ехали в какую-то знаменитую дивизию. Подтянутые офицеры отдавали громкие команды. Когда промелькнул последний солдат, Лопатин разглядел стоявший у окна силуэт, который оказался несколько помятым майором с одутловатым и краснова-

тым, после понятных времяпровождений, лицом. Он, видимо, так и не спал. Тоже, наверное, в тайгу спешит после городских гулянок.

Майор повернулся к Лёне, мельком посмотрел на удивленно разглядывающую и обнюхивающую его Альму, и обронил:

– Начинается счастье идиотов...

Лёня приник к окну: перед ним открывалась и ширилась бескрайняя, не зелёная, а какая-то серая, выжженная знойным солнцем, степь. Мелькнули всклокоченные пролёты огорода, на ржавой колючей проволоке которой, скопились ошестиненные, коричневые шары перекати-поля, убежали вдаль унылые телеграфные столбы. Казалось, что даже воздух здесь пропах нищетой, водкой и безнадёгой...

– В Борзе ещё страшнее! – Бесстрастно подытожил майор.

Альма радостно взвизгнула и лизнула руку онемевшего Лопатина.

Так началась их служба в степном городке, где, действительно, во все времена была тяжёлая криминогенная обстановка.

17 июля 2018 года.

Трактор

Ещё мальчонкой, лунной ночью он отправился воровать в паровозное депо, построенное век тому назад из крепких красных кирпичей. Почему лунной, почему именно в депо? Наверное, он и сам не смог бы ответить на эти вопросы. Может быть потому, что жил в рабочем районе, на Железнодорожной улице, в одном из двухэтажных барачных бараков для рабочих, которые строил Каганович или кто-то из подобных ему до войны. Казалось, что лиственничные брёвна этих бараков пропитаны деповским мазутом или маслом, хотя они просто потемнели от времени и зноя.

Довелось и мне там снимать жильё, овладевать всеми премудростями обитателя пролетарских районов, откуда вышли в большой свет многие известные бродяги нашего каторжного края. Какая колоритная там речь, которую совершенно не понимают жители приличных кварталов. Того, кто владеет не всеми премудростями, накопленными за десятилетия жизни на постоянном «подсосе», в таких районах вычисляют сразу.

Все звали его Трактором. Только он мог воровать в депо. Авторитетного вора из него не получилось. Как был обыкновенным тягловым зеком и простодыром, так и остался им.

Той лунной ночью он упёр из депо допотопный набор инструментов в тяжелом железном ящике. Там были два странных молотка с длинными ручками, огромные гаечные ключи, плоскогубцы, какие-то выдержки, непонятные железяки. Всего, наверное, пуда на полтора. Даже бывалые мужи-

ки удивлялись потом, как двенадцатилетний мальчишка тащил такую тяжесть целый километр. Набор этот взял у него невзрачный барыга, много лет промышляющий на барахолке разными инструментами.

Вычислили Трактора по молоткам. Оказалось, что обходчик, которому принадлежал набор, пометил их. Придя на работу, обходчик заметил пропажу и поднял вохровцев. Болтающиеся на верхних гвоздях две доски в заборе не оставляли сомнений: побывал какой-то специфический ворюга. Дальше – больше, завели дело, сотрудники угрозыска отправились на барахолку, где и обнаружили меченые молотки. Конечно, барыга сразу сдал Трактора, и, конечно, Трактора отправили на малолетку.

Никакого другого погонялы, кроме Трактора, для десятилетнего детины не нашлось. Прославился мальчик в третьем классе, во время сбора металлолома, когда, пыхтя, притащил заржавленную и тяжеленую ось от какого-то древнего агрегата. Директор школы, пожилой, лысеющий Иван Фёдорович, увидев его, ахнул и воскликнул: «Вот это трактор!». Через год многие не помнили, что Трактора на самом деле зовут Коля Варфоломеев.

В малолетстве, когда он спросил у матери об отце, она сказала, что тот в длительной командировке. Повзрослев, Трактор догадался – отец его сидит за воровство. Слухи о родителе были до предела краткие и понятные: вышел – сел, вышел – сел. Эти же новости передались по наследству и Трактору:

вышел – сел, вышел – сел. Говорили, что дома у него в чулане всегда готовый «сидор» для отправки в изолятор и зону.

Познакомились мы с ним при очень странных обстоятельствах.

Однажды на рассвете, после затяжной гулянки на каком-то литературном вечере, перешедшем в бурную ночь, брели мы с черноглазым и высоким Аркахой через виадук на Железнодорожную-2, где я недавно снял комнату, которую подыскиали мне знакомые. Аркаха вырос в этом районе, знал всех обитателей, их нравы, а также – все закоулки и щели.

Естественно, за ним было уже не меньше восьми лет лагерей.

Все эти годы он занимался переложением «Слова о полку Игореве». Странное, казалось бы, сочетание. Но жизнь сложилась так, что именно Аркахино переложение из всех существующих, более всего нравилось мне. Но я прекрасно понимал, что в этом памятнике литературы огромное количество монгольских и тюркских слов, бытовавших на момент написания, которые совершенно не понимают все авторы переложений и интерпретаторы. Какая власть или писательская организация могла бы мне благоволить с моим пониманием литературы, особенно «Слова»? Вот и ютился я по разным пролетарским районам, а лагерные поэты и прозаики, среди которых, на мой взгляд, встречались удивительные таланты, становились моими друзьями на всю жизнь...

Железнодорожная-2 была за виадуком. Город жил в кот-

ловине гор и синеющей вдали тайги. За дальней горой алело небо, предвещая скорое утро. Далеко раздавались гудки. Под виадуком дремали составы. Город был пуст и свеж. Ни одной машины. Только немые окна домов, виадук, с двух сторон которого росли высокие тополя. В общем, тишина за Рогожской заставою. Можно было говорить о литературе, Рубцове, Мандельштаме.

Беседуя, мы почти миновали виадук, как услышали внизу шаги и тяжелое сопение вперемежку с пыхтением. Кто-то тащил вверх, по старой лестнице, тяжесть. Шаги человека были мерные, уверенные. Выдавало только пыхтение. Аркаха, отодвинув в сторону набрякшие тяжелыми листьями ветки тополя, свисавшие над бетонными ступенями лестницы, глянул вниз и присвистнул:

– Здорово, Трактор!

– Здорово, Аркаха! – Ответил двухметровый рыжеволосый детина, показываясь на площадке лестницы и становясь вровень с Аркахой. Вот только мужик был намного здоровее моего друга. Тащил он огромный, промасленный, брезентовый мешок, обвязанный верёвками. Глаза детины были светло-голубые, наивные. Детские глаза.

– Что взял? – Спросил Аркаха.

– Мелочь. Двигатели какие-то, – ответил сиплым, почти детским голосом, мужик, которого мой друг назвал Трактором.

– Похрена они тебе?

– На рынке сдам. На что-то жить надо. Не бельё же с верёвок воровать. А гоп-стоп – не моя профессия. Да и не смогу...

– Электродвигатели! – Догадался Аркаха. – Тут же обмотку наворачивают. А это цветной металл. Чуешь? Тянет тебя физкультурой заниматься.

– Тянет, – вздохнул детина. – Пойдём ко мне. С похмелюги, гляжу, шастаете по тепловому... У меня бражка знатная дозрела.

Оказалось, что он жил в том же доме, что и я, только в другом подъезде. Мешок, который он тащил, весил не меньше тридцати килограммов.

Мы помогли ему донести «добычу», познакомились.

В старой барачной квартире мы три дня глушили целый бидон браги. Забегала братва. Сплошные погоняла и партаки. В общем, галерея! За это время Коля Варфоломеев рассказал мне о своей жизни.

Взяли Трактора через неделю. Я видел в окно, как он шёл со своим «сидором» в сопровождении милиционеров, выходясь от толпы на голову, к милиционерскому «уазику».

Потом я снял комнату в другом конце города, а ещё через полгода перебрался в пригород, через два года снова вернулся в город, после этого жил некоторое время в деревне. В общем, мотала меня жизнь до тех пор, пока официальные писатели власти не выбили мне комнату в общежитии.

Как-то я встретился с Аркахой на очередных литератур-

ных посиделках, а проще – пьянке, которую ребята устроили за городом, на даче такого же, как и мы, бродяги-стихоплёта. Обрадованные, мы разговорились. Вышли во двор. Неожиданно, увидев на верстаке электродвигатель, я вспомнил о Тракторе.

– Колю Варфоломеева помнишь? Где он?

– Трактора? Умер Коля. Три дня всего прожил на свободе.

Оказалось, что после освобождения, Коля, отправившись отмечаться в отделение милиции, увидел как стоявший на домкрате милицейский «уазик» сорвался и упал на поставленную поперёк шпалу, придавив заползшего под машину сержанта. Трактор подбежал, одним рывком высоко поднял «уазик» и держал его до тех пор, пока обезумевшего и дико кричавшего от боли, сержанта не выволокли из-под машины подоспевшие милиционеры.

– Бабон-то он опустил на шпалу, но потом сам упал. Говорили, что сердце разорвалось. А сержантик отделался сломанными рёбрами – с каким-то мудрым оттенком, вмещающим жизнь человека, сказал Аркаха.

Бабон на языке зеков – милицейский «уазик». Этот, наверное, был тем самым, на котором увозили Колю. Отдел-то его района.

19 июля 2018 года.

Телефон

В деревне таксуют три водителя. Два из них – молодые ребята на старых советских легковушках доставляют в район-центр и обратно. Третий на микрике – пожилой, Кеша Пушкарёв. Он ездит в город. Номера их телефонов знает вся деревня. Пассажиров водители начинают собирать спозаранку.

Маршрут в город Кеша Пушкарёв проложил лет двадцать назад, поменял третий минивэн. Ему за шестьдесят перева-лило, а он всё баранку крутит. Детей и внуков навалом, пра-внучка уже есть. Кажется, все взрослые Пушкарёвы не сидят без дела, но стабильный заработок образовался только у деда Кеши. Он и тянет ватагу.

Многие земляки удивляются тому, как при такой полно-те и одышке сердечника, рыжеватый и полный дед Пушка-рёв до сих пор умудряется посадить и высадить пассажиров, развезти их по адресам в городе, уложить весь багаж, да ещё выполнить просьбы своих земляков.

Солнце нового века жарит в степи страшно. Особенно в полдень.

Пушкарёв собирает пассажиров по холодку. Если остают-ся места, то минут пятнадцать стоит у шлакоблочного бело-го здания, с забитыми крест-накрест дверями и окнами, на-деясь дожидаться неплановых пассажиров.

Бывшая контора правления колхоза буйно зарастает крапивой. Во времена, когда здесь не было зарослей крапивы, Кеша дремал у конторы в «уазике», ожидая Николая Петровича, председателя колхоза. Двадцать лет Пушкарёв оттрубил его верным водителем. Миллионером расцвел и гремел на весь край колхоз. Потом началась перестройка, всё скособочилось, затрещало и полетело к чертовой матери...

Сегодня дед Кеша дождался чернявого и похудевшего от болезней Андрея Вершинина, своего ровесника. За ним прибежал сын соседей и ровесников Пушкаревых Дамдинка, который года два назад поселился с женой в степи, в юрте, на чабанской стоянке родителей, заросшей крапивой пострашнее, чем контора. Скот молодые задумали разводить.

Но оказалось, что Дамдинка не едет в город, он просил заехать в Цифроград и купить его дочке сотовый телефон. И дал на это дело деду Кеше семьсот рублей, сто из которых, как и полагалось, были платой за доставку. Пушкарев написал поручение и, оглядев семерых земляков, устроившихся в салоне микрика, выехал на трассу. Забот, заданий и просьб набралось дивно много, впрочем, как и всегда. Все они были записаны на тетрадном листке, хранящемся в карманчике маленькой китайской сумочки на ремне.

Другие при возрасте Пушкарёва давно скручены всякими недугами, а этот, хрипит и свистит бронхами, но ковыляет вокруг своего микрика, плотно укладывая чемоданы и баулы, каждый день ездит из деревни в город и обратно, успевая

звонить и отвечать на все телефонные звонки. Ещё старуха и внуки успевают заказывать деду всякие вкусности или игрушки.

Ровесника и одноклассника своего Андрея Вершина дед Кеша посадил на переднее сиденье, рядом. И в дороге донимает его вопросами, успевая заметить про себя, что современная, устрашающая фантастическим маскировочным цветом, униформа и чёрные военные ботинки на немногословном и чернявом Андрее выглядят смешно и нелепо.

– На проверку собрался, Андрюха?

– Мне же надо раз в квартал у кардиолога проверяться.

– Помотала тебя жизнь, Андрюха, – вздыхает Пушкарёв, вкладывая в эту фразу всю жизнь ровесника, от драки с приезжими строителями-зеками в юности, где его чуть не зарезали, до недавнего случая, когда Андрея пырнул ножом родной сын, отсидевший уже три срока.

Худой и остролицый Вершинин задумчиво молчит.

Все знают, что сына они со старухой не сдали, милиции заявили, что нож Вершинин воткнул в себя, разделявая тушу коровы. После операции старика согнуло ещё больше, будто что-то стянуло его изнутри.

Он молча оглядывает раскрывающуюся взору утреннюю степь. Заметно, что доволен: наконец-то вырвался из душного дома, где пьяный сын и замученная бытом старуха. Работать он уже не может. В деревне его зовут Коротким, имея в виду, что за две операции хирурги значительно укоротили

внутренности Вершинина. Год назад у него признали угрожающее предынфарктное состояние. Хозяйство рухнуло на старуху.

Внуков у них не было. Сорокалетний пьяница-сын так и не женился.

– А что тебе Дамдинка заказал? – Вдруг прерывает молчание Андрей.

Пассажиры в салоне, прислонившись друг к другу, мирно дремлют.

– Да телефон дочурке своей.

– Даримке! – Оживляется дед Андрей. – Вся в свою бабушку. Нинка первой хохотушкой была в классе. Мы же рядом с их семьёй жили.

– А Баирка первым драчуном! – Рассмеялся Пушкарёв.

Ровесники в прошлом году похоронили свою одноклассницу, бабушку этой самой Даримки, которой заказали телефон. Дед её умер ещё раньше, тоже учился с Пушкарёвым и Вершининым. Фамилия супругов – Бадмаевы.

Тягостное молчание, повествующее, как немое кино, о прошедшей жизни ровесников, затягивается.

– Работа и слава любого согнут, – делает вывод после затянувшейся паузы Кеша, выезжая из большого придорожного посёлка на основную дорогу в город, по которой мельтешит множество машин. – Не зря же их столькими орденами и медалями государство наградило. У Баирки – две трудовые славы были, и Нину награждали медалями. На всех собрани-

ях в президиум приглашали. Два сына их почти всю скотину пропили и смотались куда-то, только младший Дамдинка в деревне остался.

– Враз работяги никому не нужны стали! – Вдруг отвердевшим голосом проговорил Андрей. – Теперь Дамдинка на отцовской стоянке лебеду скошил, крапиву выкорчевал, стайку новую построил, дом поставил возле юрты. Даримка нынче уже баран пасёт.

– Травы нет, косить негде и нечего. Одна крапива, – как бы смягчает разговор Кеша. – Всё кругом пожгло. И когда эта засуха кончится.

– Семнадцатый год степь выжигает! – замечает Андрей.

– И в такую жару девчушка баран пасёт, – задумчиво говорит Кеша.

– И мы пасли в таком возрасте, – усмехается Вершинин, внимательно вглядываясь в бледную степь, где уже появилось далёкое знойное марево, в котором он, будто, хотел увидеть кого-то. – Помнишь, Кеха? Чёрные, как головёшки, по степи бегали?

– Почему не помню? Всё помню! – Рассмеялся Кеша. – И Даримка сейчас, такая же чёрная, за баранами бегают и играют. Телефон ждёт.

Они углубляются в воспоминания.

Вся их жизнь маялась и радовалась в одном колхозе, в бескрайней и знойной степи, возле озёр и маленьких речушек, где паслись тысячные отары овец, табуны лошадей, гурты ко-

ров. Их было так много, и в головах друзей до сих пор не укладывается, что неуёмная уйма животных и обустроенная жизнь враз могли куда-то исчезнуть. Как, куда, зачем? Кому это надо?

Постепенно беседа их переходит в спор, который тут же гасится более светлыми и греющими душу воспоминаниями. Уже и земляки в салоне проснулись, некоторые из них что-то подсказывают, дополняют. Каждому есть что вспомнить. Кешин микрик давно стал местом воспоминаний и новостей, иногда тут случаются настоящие сходы односельчан.

– Мало у Дамдинки скота. В зиму много животины в степи пало. Когда ещё на ноги поднимутся! – Вздыхает Вершинин. – Ты меня возле диагностической высади, Кеха. У меня с доктором строго по времени.

– В три я тебя заберу. Задержусь – звони, – подытоживает разговор Пушкарёв, въезжая на городскую улицу и пристраиваясь к потоку машин.

Обращаясь в салон, к землякам, он громко вопрошает:

– Ну, кому, куда?

Высадив земляков по разным адресам, дед Кеша за полтора часа выполнил все просьбы земляков, потом вернулся на своё привычное место за углом автовокзала, которое никто из водителей давно не занимает. Это было неким признанием и знаком уважения шоферской братвы края.

Пассажиры уже ждали его.

На этот раз он только двух студентов забрал по адресу: ре-

бьята сдавали экзамены и опаздывали. Пришлось ждать возле института.

В три часа Пушкарёв забрал Вершинина, одиноко скучавшего на остановке у диагностической больницы.

– Поживёшь ещё, говорит доктор, если шунтирование сделаешь! – Радостно сообщил Вершинин, усаживаясь на своё место и здороваясь с земляками, едущими из города в деревню. – Трубки резиновые вошьют?

– А куда денешься? Поживёшь! – Одобрил решение доктора Пушкарёв, просматривая смятую бумажку и вычеркивая строки в списке поручений. – Студенты, где тут Цифроград?

В красивый, блестящий огромными стёклами, магазин, где должен быть телефон Даримки, Пушкарёв и Вершинин отправились вдвоём. Телефона за шестьсот рублей там не оказалось. И за семьсот не было.

В салоне микрика студенты подсказали следующий магазин. Там телефоны за шестьсот или семьсот рублей были. На отдельной витрине навалены.

Пушкарёв выбрал из этой кучи какой-то махонький, беленький, почти без экрана аппаратик. Был и другой, чуть побольше, но за семьсот и – чёрный. Старики заспорили – чёрный или белый телефон брать Даримке.

На нелепую униформу и грубые ботинки Вершинина, сандалии на босых ногах, обвисшую футболку и замасленное трико Пушкарёва уже подозрительно посматривали моло-

деньские особы и юноши в белых рубашках, неслышно прохаживающие по отсвечивающему кафелю возле витрин, ненавязчиво посматривая на покупателей.

– Кеха, тут же одни кнопки, – шипел Вершинин. – Что ребёнок будет смотреть, какие здесь картинки?

– Вообще-то, да. Ребёнок же, ей смотреть надо! – Почесывал вспотевший багровый затылок в редких, рыжеватых волосках Пушкарёв, представив загоревшую под знойным степным солнцем маленькую бурятскую девчушку, пасущую баран у высохшего озера среди жёстких белых трав. – Дамдинка ещё сказал, что телефон будет ей подарком за хорошую учёбу.

– Такой? Она что, хуже других? – Голос Вершинина снова отвердел.

– Хоть такой. Денег-то у них нет...

В сверкающем магазине суетились белые люди, взрослые и дети, с нежной и ухоженной кожей, пахнущие благовониями, в лёгких почти кисейных одеждах из-за необычайной жары. Пушкарёв сипел всеми бронхами и равнодушно смотрел сквозь них на другие витрины, где были выставлены красивые телефоны с экранами. Они подошли к этим витринам.

– Кеха, надо выбирать что-то другой масти, – теперь уже осторожно сказал Вершинин, смотря, как молодая женщина покупает вертящейся возле неё девчушке с огромным синим бантом розовый телефон сверкающий большим экраном, на котором визжали и прыгали какие-то сказочные и

разноцветные существа из мультика.

Пушкарёв тоже засмотрелся на телефон в руках женщины, потом неожиданно, взволнованно и хрипло, как человек, принявший единственно верное решение, сказал особе, подошедшей к ним:

– Нам другой покажите...

– С дисплеем? С большим? – участливо спросила особа.

– Вообще другой, как у этих, – Пушкарёв уже уверенно ткнул в сторону молодой женщины и смеющейся девчушки, добавив, – с большим.

– Этот двенадцать тысяч, самсунг гэлэкси четыре джи! – Также участливо пропела особа, открывая маленьким ключиком витрину.

– Сколько?

– Двенадцать тысяч.

Вершинин странно посмотрел на Пушкарёва, потом долго и ожесточённо рылся за пазухой своей нелепой униформы и, выдернув оттуда старый бумажник советского образца, протянул другу новенькую пятидесятичную бумажку, добавив к ней две помятые тысячные.

Дед Кеша, молча наблюдавший за другом, извлёк из своей китайской сумочки на ремне пять бумажек по тысяче.

Симку к телефону купили по паспорту Вершинина.

Выехав за город, Пушкарёв посмотрел на побледневшее лицо ровесника и, притормаживая, обеспокоенно спросил:

– Ты лекарство своё под язык положил?

– Не надо. Нормально у меня, Кеха, – слабо улыбнулся Вершинин. – Не поеду резину вшивать. Со своим сердцем доживу...

23 июля 2018 года.

Пустой звук

Давно это было. Году в 1960-м.

Цыдыпке только исполнилось семь лет. Осенью его собираются отправить в школу, что в русской деревне Икарал, которая тянется на несколько километров вдоль берега Онона. Ему и Батошке Ракшаеву уже и форму купили, они и фуражки с красивыми козырьками и желтой эмблемой мерили. Как солдаты будут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.